

УДК 323

DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-78-83

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

POLITICAL TECHNOLOGIES OF THE NATIONAL-STATE IDENTITY FORMATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

*В. В. Титов, Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва
VVTitov@fa.ru*

*V. Titov, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow*

Описаны такие технологии формирования российской национально-государственной идентичности, как историческая политика и «символический дизайн». Национально-государственная идентичность рассматривается как интегрированный образ «нас», «своих», представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы России, так и широким спектром исторических и культурно-психологических факторов.

Указано, что историческая политика как комплексная технология формирования национально-государственной идентичности представляет собой систематизированную деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур по формированию и поддержанию определенных исторических представлений в обществе.

Отмечено, что в 2000–2010-е гг. в России предприняты системные усилия в сфере «символического дизайна» — формирования «символического пантеона» национальной памяти. Особое внимание уделяется и национальным праздникам: предпринимаются попытки наполнить их внятным смысловым и символическим содержанием. Однако, как показывают примеры Дня России и Дня народного единства, такие попытки далеко не всегда оказываются успешными.

Исходя из анализа исторической политики и символического дизайна в современной России, можно сделать вывод, что данные ключевые технологии формирования российской идентичности характеризуются такими недостатками, как слабая институциональная организация, реактивный характер применения, когнитивная аморфность, внутренняя противоречивость символического поля.

Особое внимание уделяется роли исторической политики в условиях трансформации современной геополитической «повестки дня», характеризующейся обострением «исторических конфликтов» в мире, эскалацией «войн памяти» на постсоветском пространстве. Отмечается, что «войны памяти», многочисленные «исторические претензии», адресуемые России, предполагают не только эмоциональную составляющую, но и яркий когнитивный аспект, «борьбу за смыслы» и другие содержательные компоненты образа прошлого.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, политические технологии, образ «нас», историческая политика, политика памяти, общенациональная память, «войны памяти», паттерны самоидентификации, «символическая политика», «символический дизайн»

The article is devoted to such technologies of the Russian national-state identity formation as the historical policy and “symbolic design”. National-state identity is described as an integrated image of “us”, “ours”, which is a complex political, psychological and socio-cultural construct, the dynamics of which is due to both the transformation of the political system of Russia and a wide range of historical, cultural and psychological factors.

It is noted that the historical policy as a complex technology for the formation of national-state identity is a systematic activity of national political elites, the political and administrative structures which manage to form and maintain certain historical ideas in society.

In the 2000–2010s in Russia, systematic efforts were made in the field of “symbolic design” — formation of a “symbolic pantheon” of national memory. Considerable attention is also paid to national holidays: attempts to fill

them with distinct semantic and symbolic content. However (as the examples of the Day of Russia and the Day of National Unity show), such attempts are not always successful.

Analyzing historical politics and “symbolic design” in contemporary Russia, we can remark that today these key technologies for the formation of Russian identity are characterized by such disadvantages as weak institutional organization, reactive application, cognitive amorphism, internal inconsistency of symbolic field. Special attention is paid to the role of historical politics in the context of the modern geopolitical “agenda” transformation characterized by the exacerbation of “historical conflicts” in the world, escalation of “wars of memory” in the post-Soviet space. It is noted that the “war of memory”, numerous “historical claims”, addressed to Russia, imply not only the emotional component, but also a bright cognitive aspect, “struggle for meanings” and other content components of the image of the past

Key words: national-state identity; political technologies; image of “us”; historical policy; policy of memory; national memory; “memory wars”, self-identification patterns; “symbolic policy”, “symbolic design”

Введение. Проблема формирования национально-государственной идентичности в России начала XXI в. получила широкое освещение как в рамках политологического сообщества, так и в ходе широких общественно-политических дискуссий. Ее острота заметно возросла в середине 2010-х гг. в контексте масштабных «войн памяти», развернувшихся на постсоветском пространстве (главным образом в связи с радикальным ухудшением российско-украинских отношений) и в условиях нарастающего геополитического конфликта со странами Запада. Одним из важных инструментальных аспектов данной проблематики является изучение технологий формирования российской национально-государственной идентичности, применяемых в современных условиях. Не претендуя на всеобъемлющий анализ указанного вопроса, остановимся на двух наиболее заметных технологиях — исторической политике и «символическом дизайне» (трансформации символических паттернов самоидентификации российских граждан).

Методология и методика исследования. Методологическую основу исследования составляет синтез классических и современных теорий политического конструктивизма, а также концепций макрополитической идентичности, исторической и символической политики.

Указанные подходы нашли отражение в трудах М. Кастельса, О. Ю. Малиновой, М. М. Федоровой, И. С. Семененко, Т. В. Евгеньевой, А. И. Миллера, В. В. Бушуева и

других исследователей [2; 4; 7; 11–14]. В рамках указанного теоретико-методологического подхода национально-государственная идентичность рассматривается как эволюционирующий макрополитический конструкт, предполагающий синтез ценностно-смысловых и символических оснований национального сознания в его коэволюции с макросоциальным «образом прошлого», императивами коллективной исторической памяти. Синтез указанных методологических оснований позволяет провести структурный анализ, направленный на выделение наиболее значимых особенностей и проблемных аспектов использования технологий исторической политики и символического дизайна в современных российских реалиях.

Важной теоретико-методологической проблемой является выработка приемлемого определения национально-государственной идентичности. В современной политической науке, как и в социогуманитарном знании в целом, существуют разные, часто противоположные по своему содержанию интерпретации национально-государственной идентичности. В рамках данного исследования мы понимаем *под национально-государственной идентичностью* интегрированный образ «нас», «своих», рассматриваемый как сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы России, так и широким спектром исторических и культурно-психологических факторов.

Результаты исследования. Проблема исторической политики, её определения и содержания достаточно широко освещается в политической науке. Причем речь идет как о попытках концептуально-теоретического осмысления, так и о прикладных научных изысканиях, неразрывно связанных с реалиями российского общества. Среди отечественных ученых, наиболее детально исследовавших историческую политику, можно отметить А. И. Миллера, Г. А. Бордюгова, М. А. Колерова и др. [1; 6; 7]. Е. Е. Вяземский пишет: «...Вопросы сохранения коллективной исторической памяти, которая в значительной степени является основой культурной преемственности поколений, основой национально-гражданской идентичности, приобретают особую значимость как для современной России, так и для многих других стран» [3. С. 91].

При этом в российском политологическом сообществе продолжают дискуссии, связанные с разграничением таких понятий, как «историческая политика» и «политика памяти». Так, А. И. Миллер отмечает, что «термин “историческая политика” (*Geschichtspolitik*) возник в 80-е гг. в Германии. Тогда он однозначно был ругательным... В 2004 г. группа польских авторов опубликовала статью, которая называлась “Историческая политика” (*Polityka historyczna*), в которой они говорили, что это вещь очень правильная и нужная» [5].

В настоящее время в научном сообществе достаточно популярна идея противопоставления «исторической политики» политике памяти. Если последняя рассматривается как сохранение национального образа прошлого, то историческая политика — как целенаправленное «переписывание» (фактически — искажение) истории в угоду политической конъюнктуре, связанное с интересами действующей власти. Признавая подобный подход в целом, следует отметить его очевидные издержки, связанные со стремлением искусственно «упростить» ситуацию, противопоставить условно «чистое» историческое знание (часто отождествляемое с политикой памяти) и политическую конъюнктуру.

По нашему мнению, необходимо придерживаться более широкого взгляда на содержание государственной исторической политики. Поэтому можно использовать следующее определение: *государственная историческая политика* — систематизированная, целенаправленная деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур, сотрудничающих с государством общественных организаций и массмедиа по формированию (конструированию) и поддержанию определенных исторических представлений в социуме.

Интерес к образу прошлого, его системному осмыслению обозначился у российских правящих элит в середине 2000-х гг. в условиях стабилизации политической ситуации в стране, частичного преодоления наиболее тяжелых последствий постсоветского кризиса идентичности. Он обусловлен как внутренними потребностями — стремлением хотя бы частично консолидировать российское общество на основе общих национально-государственных традиций, ценностей, приоритетов, так и внешними факторами. Среди последних особое место занимала череда «цветных революций» на постсоветском пространстве (Грузия, 2003; Украина, 2004), которые сопровождались не только антиросийской риторикой, но и породили серию «исторических претензий» к России. При этом речь шла не только о «советском тоталитаризме» (попытка создания «культы голодомора» на Украине в 2005–2009 гг.), но и о более раннем периоде истории (вплоть до «войн памяти» вокруг истории Древней Руси). В этих условиях российские политические элиты так или иначе (скорее вынужденно, чем по своей инициативе) стали формулировать собственные «версии прошлого», вовлекаясь в многочисленные идейно-исторические конфликты.

Очевидно, что историческая политика в современной России имеет и ряд существенных недостатков, связанных, прежде всего, со слабостью институтов национальной памяти. В этих условиях деятельность российской власти в указанной сфере носит

во многом реактивный (ответ на многочисленные, все более агрессивные «исторические претензии» государств ближнего и дальнего зарубежья) и инерционный характер. Так, по мнению О. Неменского «... Новая Россия вообще не предлагает своего осмысления прошлого, она лишь выражает готовность защищать старое советское историописание, которое, кстати, ещё совсем недавно сама же и осуждала» [8].

В связи с этим вопрос «институциональной настройки» российской исторической политики, поиск приемлемых организационно-управленческих форматов её реализации обретает особую значимость. Не менее важный аспект — дальнейшее формирование когнитивного фундамента общенациональной памяти, поиск смыслов и нарративов, способных консолидировать российский социум в условиях социально-экономического кризиса и турбулентности глобального информационного пространства. Третий аспект, который также заслуживает пристального внимания, связан с необходимостью так или иначе давать ответы на «трудные вопросы» российской истории, к которым, прежде всего, относятся события революции и гражданской войны, 1920–1930-х гг., ряд событий Великой Отечественной войны, а в последнее время — и дискуссии о недавнем прошлом, «ельцинском» периоде российской истории («лихих», «святых» 1990-х гг.).

Следующей важной технологией формирования российской национально-государственной идентичности является «символический дизайн» — деятельность по реструктуризации символического профиля российской идентификационной «матрицы» посредством целенаправленного комплекса действий, «символической политики». О. Ю. Малинова определяет символическую политику как деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности [14].

Следует подчеркнуть, что символический дизайн как направление «политики

идентичности» также неразрывно связан с исторической памятью общества, его представлениями о прошлом. За последнее десятилетие в России предприняты значительные усилия по формированию «символического пантеона» национальной памяти (от конкурса «имя России» до присвоения имен аэропортам). Не менее значимое внимание уделяется и национальным праздникам: предпринимаются попытки наполнить их внятным смысловым и символическим содержанием. Однако следует признать, что такие попытки далеко не всегда оказываются успешными. В частности, продолжает сохранять свою ценностную и ритуальную аморфность День России (проводимые социологические исследования свидетельствуют: респонденты не понимают «что празднуем» и не знают «как праздновать»). Показателен пример Дня народного единства, который в конце 2000-х гг. был «перехвачен» националистами: главным форматом его «празднования» стал «русский марш». И только в 2014 г., после реинтеграции Крыма в состав России, действующая стала «возвращать» себе этот праздник, наполнять его новым символическим содержанием.

Выводы. 1. Российская национально-государственная идентичность может быть определена как кристаллизовавшийся в массовом сознании интегрированный образ «нас», «своих», представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы современной России, так и широким спектром факторов, связанных с отечественной историей и культурой.

2. Историческая политика является ключевой комплексной технологией формирования национально-государственной идентичности и представляет собой систематизированную деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур, сотрудничающих с государством общественных организаций и массмедиа по формированию (конструированию) и под-

держанию *определенных исторических представлений* в обществе. Интерес к исторической политике, поиску эффективных форматов её реализации проявился в российском научном сообществе в середине 2000-х гг. и продолжает возрастать. Историческая политика в РФ не в полной мере отвечает информационным «вызовам» современности, характеризуется *слабостью институциональной организации, реактивным характером и аморфностью стратегических приоритетов*.

3. Среди технологий формирования российской национальной идентичности все более заметное место занимает «*символический дизайн*» — целенаправленное переформатирование символического профиля массового сознания россиян. Однако целый ряд действий российской власти в данной сфере (например, учреждение Дня народного единства) характеризуется непоследовательностью, отсутствием полноценного смыслового наполнения символического пространства.

Список литературы

1. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
2. Бушуев В. В. Историческая политика в СССР: императивы и специфика реализации // Ценности и смыслы. 2012. № 4. С. 119–128.
3. Вяземский Е. Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89–97.
4. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
5. Европейские войны памяти. Кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит. Интервью с А. И. Миллером [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/01/64370> (дата обращения: 20.11.2018).
6. Колеров М. А. «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/40226.html> (дата обращения: 08.12.2018).
7. Миллер А. И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 4. С. 49–57.
8. Пемецкий О. Памятник истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russ.ru/role/Pamyatnik-istorii>: (дата обращения: 23.09.2018).
9. Романова П. П., Леконцева К. В. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2013. № 6. С. 95–105.
10. Романова П. П., Лаврик П. В. Роль гражданской инициативы в формировании электронной демократии // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т. 22, № 2. С. 83–89.
11. Семешко И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Политические исследования. 2016. № 4. С. 8–28.
12. Федорова М. М. История/память: трудная дилемма // История философии. 2018. Т. 23, № 1. С. 108–121.
13. Castells M. A Network theory of power // International Journal of Communication. 2011. No. 5. P. 773–787.
14. Malinova O. Yu. Obsession with status and resentment: historical backgrounds of the Russian discursive identity construction // Communist and Post-Communist Studies. 2014. No. 4. P. 291–303.

References

1. Bordyugov G. A. “*Voyny pamyati*” na postsovetskom prostranstve (“War of Memory” in the post-Soviet space). Moscow: AIRO-XXI, 2011. 256 p.
2. Bushuev V. V. *Tsennosti i smysly* (Values and meanings), 2012, no. 4, pp. 119–128.
3. Vyazemsky E. E. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* (Problems of Modern Education), 2011, no. 6, pp. 89–97.
4. Evgenieva T. V., Selezneva A. V. *Politicheskie issledovaniya* (Political studies), 2016, no. 3, pp. 25–39.
5. *Evropeyskie voyny pamyati. Kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zaplatit. Intervyu s A. I. Millerom* (European memory wars. Who blew the consensus of the story and what it will pay for. Interview with A. I. Miller). Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/01/64370> (Date of access: 20.11.2018).

6. Kolerov M. A. “*Istoricheskaya politika*” v sovremennoy Rossii: poisk institutov i yazyka (“Historical politics” in modern Russia: the search for institutions and language). Available at: <http://www.iarex.ru/articles/40226.html> (Date of access: 08.12.2018).
7. Miller A. I. *Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)* (Politia. Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)), 2014, no. 4, pp. 49–57.
8. Nemensky O. *Pamyatnik istorii* (Monument of history). Available at: <http://www.russ.ru/pole/Pamyatnik-istorii>: (Date of access: 23.09.2018).
9. Romanova N. P., Lekontseva K. V. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2013, no. 6, pp. 95–105.
10. Romanova N. P., Lavrik N. V. *Vestnik Zabaykal. gos. un-ta* (Transbaikal State University Journal), 2016, vol. 22, no. 2, pp. 83–89.
11. Semenenko I. S. *Politicheskie issledovaniya* (Political studies), 2016, no. 4, pp. 8–28.
12. Fedorov M. M. *Istoriya filosofii* (History of Philosophy), 2018, vol. 23, no. 1, pp. 108–121.
13. Castells M. A. *International Journal of Communication* (International Journal of Communication), 2011, no. 5, pp. 773–787.
14. Malinova O. Yu. *Communist and Post-Communist Studies* (Communist and Post-Communist Studies), 2014, no. 4, pp. 291–303.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Титов Виктор Валериевич, канд. полит. наук, старший научный сотрудник департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия. Область научных интересов: политическая психология, политические коммуникации, национально-государственная идентичность, глобализация, политическая культура
VVTitov@fa.ru

Viktor Titov, candidate of political sciences, senior researcher, Political Science and Mass Communications department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: political psychology, political communication, national-state identity, globalization, political culture

Образец цитирования

Титов В. В. Политические технологии формирования национально-государственной идентичности в современной России // *Вестн. Забайкал. гос. ун-та*. 2019. Т. 25. № 3. С. 78–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-78-83.

Titov V. Political technologies of the national-state identity formation in contemporary Russia // *Transbaikal State University Journal*, 2019, vol. 25, no. 3, pp. 78–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-3-78-83.

Статья поступила в редакцию: 28.01.2019 г.
Статья принята к публикации: 21.02.2019 г.

